Елена Арсеньева

Обворожительный кавалер (Джордж Вилльерс, герцог Бэкингем...

Часть сборника
Преступления страсти. Жажда власти (сборник)

Елена Арсеньева

Обворожительный кавалер (Джордж Вилльерс, герцог Бэкингем – Анна Австрийская – кардинал де Ришелье. Англия – Франция)

Серия «Преступления страсти. Ревность», книга 2

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162529
Преступления страсти. Ревность: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26496-4

Аннотация

«– Да что вы, ваше преосвященство! – вскричала герцогиня. – Неужели не понимаете, что этот подкоп имел целью винные погреба моего дома? Нас хотели ограбить, и добро бы дело ограничилось только украденным вином! Не сомневаюсь, что в одну ужасную ночь злоумышленники проникли бы в наши покои и перерезали нас всех во сне!..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 17

Елена Арсеньева
Обворожительный кавалер (Джордж Вилльерс, герцог Бэкингем – Анна Австрийская – кардинал де Ришелье. Англия – Франция)

Между ревностью и соперничеством такое же расстояние, как между пороком и добродетелью.
Жан Лабрюйер

– Да что вы, ваше преосвященство! – вскричала герцогиня. – Неужели не понимаете, что этот подкоп имел целью винные погреба моего дома? Нас хотели ограбить, и добро бы дело ограничилось только украденным вином! Не сомневаюсь, что в одну ужасную ночь злоумышленники проникли бы в наши покои и перерезали нас всех во сне!

Глаза кардинала сверкнули так, что мадам де Шеврез поняла: известие о ее смерти было бы самым отрадным известием в его жизни, и сейчас он от души пожелал всяческих

успехов злоумышленникам, прорывшим подземный ход от склепов женского монастыря Валь-де-Грас к ее дому. Но вся соль заключалась в том, что и кардинал, и герцогиня отлично знали: никаких злоумышленников не существовало в природе, на запасы амонтильядо, бургундского, анжуйского, бордо и прочих вин никто не покушался, а подземный ход хоть и прорыт от монастыря Валь-де-Грас к дому герцогини, но по прямому распоряжению, так сказать, от дома де Шеврез, и был он не просто подземный ход, а дорога, приготовленная для тайных свиданий, – дорога любви. И сейчас Арман дю Плесси де Ришелье, всесильный кардинал Ришелье, бывший во Франции вторым человеком после короля (а может быть, и первым перед королем, как он любил втихомолку себя называть!), чувствовал себя вовсе не всесильным, а, наоборот, бессильным, потому что не знал, да и не мог, не имел возможности доподлинно узнать, вовремя ли он успел открыть преступный умысел, или этим подземным ходом, этой дорогой любви все-таки успела пройти та, безнадежная страсть к которой давно уже свела его с ума, – королева Анна Австрийская. Успела ли прекрасная Анна воспользоваться тайной дорогой и встретиться со своим любовником, которого Ришелье возненавидел с первой минуты и так же безумно, как с первой минуты безумно полюбил королеву?!

О, ее трудно было не полюбить, эту голубоглазую и светловолосую принцессу, которая унаследовала свою внешность

от матери, австрийской принцессы Маргариты, а потому вошла в историю под несколько неожиданным именем Анна Австрийская, хотя считалась по отцу испанкой. Даже характерный габсбургский профиль был у нее смягчен изяществом линий, даже чуточку выпяченная нижняя губа, которая придавала всем отпрыскам австрийского королевского дома пресыщенный и вечно чем-то недовольный вид, Анне придавала облик очаровательной капризницы, все причуды которой, конечно, должны быть столь же милы, как она сама, а потому всякому нормальному мужчине хотелось их немедленно исполнить.

Всякому нормальному мужчине, вот именно! Но отнюдь не ее супругу, королю Людовику XIII.

Он-то не хотел исполнять не только никаких причуд своей юной жены, но даже и самых элементарных обязанностей, которые налагал на него супружеский и государственный долг. Проще говоря, он не спал со своей прелестной женой и не собирался осчастливить ее и Францию рождением наследника. Детские годы юного Людовика прошли в обстановке такого распутства (все же он был сыном не кого иного, как Генриха Наваррского, одного из величайших потаскунов мировой любовной летописи!), что в один прекрасный (в смысле, ужасный) день он возненавидел все, абсолютно все, что имело отношение к плотским радостям, и переключился исключительно на радости высокодуховные: так, он умел очень недурно играть на лютне и сочинять хорошенькие пе-

сенки. Прелестный бюст жены, ее блестящие глаза, ее манящие взоры, ее походка, которая могла бы искусить и святого, его волновали очень мало. И скоро по Европе пополз, пошел, полетел, разнесся слух, что король Франции пренебрегает своей женой.

Филипп III, король Испании, узнав, как грустно живется его любимой дочери, пришел в такое неистовство, что министры обеих стран забеспокоились: как бы невольное или сознательное пренебрежение Людовика постельными отношениями не привело к обострению отношений межгосударственных. Войны, как свидетельствуют многочисленные исторические примеры, случались и из-за более ничтожных причин! Воевать в данный момент не хотелось ни Франции, ни Испании, однако король Франции никак не мог воспользоваться своим «хлястиком», как называл он некогда ту часть тела, которая составляет предмет законной гордости некоторых мужчин (приснопамятный Наваррец еще называл сей орган своего сына «посылочкой для испанской инфанты», ведь вопрос о браке Людовика и Анны был решен, когда они были еще чуть ли не младенцами). Неведомо, может статься, война все-таки разразилась бы, когда бы один из ближайших приближенных короля, герцог д'Эльбеф, в то время не женился бы. Изрядно выпивший король пожелал непременно наблюдать, что делают молодожены во время первой брачной ночи, причем сообразно своему монаршему достоинству подглядывать в щелочку Людовик не пожелал, а

уселся прямо на кровать молодоженов (что и говорить, нравы в начале XVII века были самые причудливые!). Герцог д'Эльбеф не страдал отсутствием усердия, и никакие свидетели его нимало не смущали, так что Людовик смог наблюдать желаемое не раз и не два. Заметив, с каким восторгом смотрит на него король, новобрачный приподнялся на локтях и, на миг отвернувшись от супруги, но не прерывая своего занятия, воскликнул:

– Сир, сделайте то же самое с королевой, не пожалеете!

Ну, король наконец пошел и сделал… Некоторые, правда, уточняют, что решился он на сей подвиг лишь через пять дней. Да и то вроде бы принц де Люинь, друг, фаворит и советник короля, буквально за шиворот тащил его в спальню королевы, а Людовик цеплялся за мебель и умолял оставить его в покое. Но это, очень может статься, наветы злобных клеветников. Так или иначе, испанская инфанта получила «посылочку»: король исполнил супружеский и государственный долг. Однако радости своей молодой жене Людовик не принес. Если раньше у Анны еще оставались кое-какие иллюзии относительно семейной жизни с молодым человеком, ставшим ей мужем, то после первой брачной ночи (изрядно запоздавшей, напомним, а ведь дорогб ложка к обеду, а яичко – к Христову дню!) она поняла: не видать ей с ним счастья, потому что полюбить его она никогда не сможет. А самое ужасное, что и он ее не любит! И более в ее ночные апартаменты король не захаживал.

Придворным не составило труда понять, что эти двое – Людовик и Анна – никогда не станут, как гласит Писание, «дух един». И страдание, которое иногда проскальзывало в глазах гордой королевы, немедленно возбудило к себе искреннее сочувствие во многих сердцах. Многие хотели бы утешить королеву, но особенно рьяно взялись за дело двое – Мари де Роган, жена принца де Люиня, и кардинал де Ришелье. Благодаря покровительству королевы-матери, Марии Медичи, последний уже прошел путь министра и главы Королевского совета, теперь стал первым министром и не сомневался, что нашел точку опоры (Аристотелю в этом, как мы помним, не повезло), с помощью которой сможет перевернуть мир. Для начала он захотел перевернуть королеву – из вертикального положения в горизонтальное – и начал за ней утонченно ухаживать.

В описываемое время принц де Люинь умер, его вдова моментально выскочила замуж вновь и стала герцогиней де Шеврез, под коим именем и вошла в историю Франции. О герцогине говорили, что она совершенно лишена нравственности и не пропускает мимо себя ни одного мужчины. Можно добавить, что и мужчины не желали проходить мимо этой обольстительной женщины… Так или иначе, дважды побывав замужем и сменив десятка два любовников, мадам де Шеврез считала, что знает о жизни и любви все, а потому способна стать не только наперсницей, но и наставницей молодой королевы. И она принялась нашептывать Анне, что в

адюльтере нет ничего ужасного, что такие мужчины, как король, просто созданы для того, чтобы им изменяли… Было бы с кем!

Нет, ну в самом деле – с кем? Пока на горизонте королевы не было никого интересней кардинала де Ришелье.

А уж как он интересничал!

Граф де Бриен, свидетель тех событий, так описывал одно из его безумств, совершенных во имя королевы:

«Королева и ее наперсница были в то время увлечены веселым времяпрепровождением по крайней мере так же, как интригами. Однажды, когда они беседовали вдвоем, а вся беседа сводилась к шуточкам и смешкам по адресу влюбленного кардинала, наперсница сказала:

– Мадам, он страстно влюблен, и я не знаю, есть ли что-нибудь такое, чего бы он не сделал, чтобы понравиться вашему величеству. Хотите, я как-нибудь вечером пришлю его в вашу комнату переодетым в скомороха и заставлю в таком виде протанцевать сарабанду? Хотите? Он придет.

– Какое безумие! – воскликнула королева.

Она была молода; она была женщиной живой и веселой; мысль о подобном спектакле показалась ей забавной. Она поймала подругу на слове, и та немедленно отправилась за кардиналом. И великий министр, державший в голове все государственные дела, позволил своему сердцу поддаться в ту минуту чувству. Он согласился на столь странное свидание, потому что уже видел себя властелином своего драго-

ценного завоевания. Пригласили Боко, который прекрасно играл на скрипке, и ему доверили секрет. Но кто же хранит секреты такого рода? Конечно, он разболтал тайну всем. Ришелье был одет в зеленые бархатные панталоны, к подвязкам были прицеплены серебряные колокольчики, в руках он держал кастаньеты и танцевал сарабанду под музыку, которую исполнял Боко. Зрительницы и скрипач спрятались за ширмой, из-за которой им были видны жесты танцора. Все громко смеялись, да и кто мог удержаться?!»

Нет, ну в самом деле – кто? Уж точно не королева!

Смешнее всего было не то, что кардинал добровольно выставил себя на посмешище (чего, в самом деле, не сделаешь ради любви?!). Смешнее всего было то, что он не понял: Анна смеялась не над веселым танцем, а над ним, всесильным Ришелье! В ее откровенном хохоте он умудрился расслышать зовущие нотки и решил, что дело слажено. Что хватит ходить вокруг да около, а надобно прямиком приступать к делу!

Однако он был все же слишком уверен в себе, и, вместо того чтобы попросту пасть к ногам обожаемой женщины и рассыпаться тысячью признаний, Ришелье поступил как деловой человек – представил королеве не радостные перспективы любовной связи, а прямую выгоду, которую она извлечет, сделавшись его любовницей.

Он написал письмо. Но, поскольку был страшно осторожен и опасался предательства везде и всюду (прежде всего

потому, что судил по себе, а сам-то он не замедлил бы предать всех и каждого ради своих целей), написал послание не сам, а поручил своему секретарю, шевалье де Ландри, который, к слову сказать, виртуозно умел подделывать разные почерки. Вот и это письмо по приказу Ришелье было написано так ловко, что даже хитрющая мадам де Шеврез не заметила подделки и не усомнилась, что в руки ей попал страшнейший компрометирующий материал на кардинала.

Историк того времени Тальман де Рео, оставивший после себя восхитительные «Маленькие истории», героями которых были отнюдь не маленькие люди, изображенные с великим юмором и, порою, с изысканной скабрезностью, писал о дальнейшем ходе событий так:

«Кардинал, отчетливо видевший путь к достижению своей цели, предложил королеве через фрейлину мадам Фаржи согласиться на то, чтобы он при ней занял место короля; потому что, не имея детей, она будет всегда презираемая, и, если король при его хилом здоровье вскоре умрет, ее отошлют назад в Испанию; зато, если у нее родится сын от кардинала, а король вот-вот умрет, поскольку это неизбежно, она будет править страной с его помощью, потому что у него, отца ее ребенка, будут те же интересы; что касается королевы-матери,[1] он удалит ее немедленно, как только добьется от ее величества требуемой благосклонности».

---

[1] Мария Медичи жила в то время в Париже и находилась в очень сложных отношениях с Анной, как, впрочем, и с Людовиком. (Прим. автора.)

Анна Австрийская совершенно не ожидала подобного предложения. Пораженная и немного напуганная, она поняла, что совершила серьезную ошибку, позволив кардиналу ухаживать за нею.

Вечером мадам дю Фаржи отправилась к Ришелье и сообщила с тысячью всяких предосторожностей, так как знала его обидчивость, что королева отвергла его притязания.

Прелат был сильно разочарован и как мужчина, потому что очень желал совершить это сладострастно-преступное оскорбление его величества, и как первый министр, поскольку считал, что действует на благо королевства, обеспечивая Францию дофином.

Ничем не выдав своего разочарования, он только поклонился.

– Передайте королеве, что я сожалею, – сказал он спокойно.

Тем не менее в течение нескольких дней он все еще надеялся: Анна Австрийская так нравилась кардиналу, что он предпринял все, что только мог, лишь бы увидеть ее в своей постели; но ему так и не удалось этого добиться.

Ришелье переоценил деловые качества королевы и недооценил жажду любви, которая сжигала ее сердце!

А его собственное сердце было, как принято выражаться, разбито… Однако отказ произвел на него не разрушительное, а озлобляющее воздействие. Он прекрасно понимал, что такая пылкая женщина, как королева, страдает от вынужден-

ного целомудрия, навязанного ей супругом, а потому неизбежно настанет день, когда она в кого-нибудь влюбится и захочет не просто вздыхать на расстоянии, но и вкусить со своим возлюбленным плотских радостей. И при этой мысли ревность так взыграла в сердце Ришелье, что он понял: душу дьяволу готов заложить, лишь бы помешать Анне принадлежать кому-то другому. Пусть она не хочет его, но и никого другого не получит!

Враг рода человеческого, которому предложений купить у кого-нибудь душу в обмен на мирские блага поступает весьма немало, был, видать, слишком занят с очередным клиентом и на предложение Ришелье не отозвался. То ли впрямь не расслышал, даром что вездесущ, то ли душа Армана дю Плесси де Ришелье, отступившего от всех божьих заповедей, была ему и даром не нужна. В общем, прождав некоторое время попусту, кардинал понял: и здесь, как и всегда, он должен рассчитывать только на себя. И с того момента, ни на минуту не переставая руководить всеми государственными делами, он принялся с помощью своих агентов и собственноручно следить за Анной Австрийской.

Ну и, как водится в романах, а еще чаще – в жизни, случай не замедлил представиться.

Король Людовик и королева-мать устраивали бракосочетание принцессы Генриетты-Марии и английского короля Карла I, только что воцарившегося. Свадебные торжества должны были состояться в Лондоне, и за невестой прибыла

весьма пышная делегация английских лордов. Возглавляли ее представители жениха – графы Кэрлиль и Галланд. Однако их кандидатуры были избраны королем по настоянию парламента, и Карл, сделав эту уступку, послал вслед за основной делегацией человека, которому он истинно доверял. Звали его Джордж Вилльерс, герцог Бэкингем, он был фаворитом короля, его первым министром, и именно он стал главной персоной на церемонии заочного бракосочетания… а также главным действующим лицом в той истории любви, ревности и смерти, которая начала разыгрываться на подмостках Лувра, Версаля etc., лишь только герцог Бэкингем появился в Париже.

Приезд его был воспринят без особого восторга как Людовиком, так и Ришелье. Прежде всего по соображениям государственным, поскольку посланец протестантского короля собирался ходатайствовать за собратьев по вере кальвинистов, которым не слишком-то привольно жилось в католической Франции. Во-вторых, репутация Бэкингема была порядком подмочена многочисленными же легендами о его многочисленных любовных похождениях, ибо герцог имел славу величайшего любезника того времени, а также предшествующего и, такое впечатление, будущего. И если так считали по Франции, которая во все времена являлась оплотом волокитства, то, видимо, Бэкингем и впрямь был опасным соперником для мужчин как французской, так и прочих национальностей, а женщины оказывались перед ним прак-

тически беззащитными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.